

Нин Цин была ошеломлена, когда в панике подняла голову. Она наткнулась на пару темных глаз, которые были глубокими и яркими. Это был Лу Шаомин.

Лу Шаомин вернулся.

На нем все еще была та же белая рубашка, что и вчера днем. Концы рубашки были заправлены в черные брюки блестящим металлическим поясом, талия-крепкая и узкая. Возможно, из-за побега его одежда помялась, но это не уменьшило его благородства и могущества. Даже эти морщины выдавали мужскую элегантность и красоту.

За его спиной стоял личный помощник, который держал в одной руке его костюм, а в другой-деловую сумку.

Одна его рука была засунута в карман брюк, а другой он обхватил ее за талию, пристально глядя сквозь слезы на ее лице. Его сексуальные тонкие губы слегка дрогнули, и он посмотрел на нее с легким обожанием, как будто он смотрел на маленькую девочку, которая любит плакать.

- Вах... - внезапно Нин Цин отпустила свои туго скрученные чувства и вскрикнула. Она была похожа на заблудшую душу, блуждающую в одиноком море, которая наконец-то заметила пришвартованный порт.

“Лу ... Шаомин, ты вернулся. Наконец-то ты вернулся.”

Эта девушка не только не обрадовалась его возвращению, но и заплакала с нарастающей яростью. Лу Шаомин беспомощно нахмурился.

Он вынул руку из кармана брюк и нежно погладил ее по изящной спине. “Что случилось, не плачь, я здесь.”

Нин Цин положила свою маленькую голову на его широкую грудь. Хотя он только нежно обнимал ее, его нежной силы было достаточно, чтобы разжечь всю ее печаль, страх и обиды.

- Шаоминг, * всхлипывает * ... мама меня игнорирует. Мама больше не хочет меня видеть. Я солгал ей и сказал, что учусь играть на пианино, она знает, что я играл все это время, УАА...”

Лу Шаомин примерно расслышал, что произошло, по всхлипывающему голосу девушки. Выражение его лица не изменилось. Он посмотрел на закрытую дверь прямо перед собой. Он сказал: "Хорошо, я понял. Доверьтесь мне. Я пойду поговорю с твоей матерью."

Может, поговорим?

Нин Цин приподняла свою голову на его руках. Она посмотрела на него полными слез осенними глазами. - Как же так? Мама отказывается открывать дверь."

Нин Цин посмотрела вниз. Она беспомощно опустила перед собой свои маленькие ручки, как ребенок, который сделал что-то не так. - И, прости, у меня не было времени рассказать маме о нашем браке... мама еще не знает о твоём существовании."

Хотя она и не скрывала этого намеренно, они уже были женаты. Из-за того, что она скрывала это от своей мамы, казалось, что у нее был роман с Лу Шаомин. Она чувствовала себя виноватой перед ним.

Он бы наверняка разозлился.

Ее холодная беспомощная маленькая рука медленно обхватила большую теплую ладонь. Лу Шаомин обнял ее за плечи и прижал к стене. - Я понимаю, мы можем сделать это медленно. Ты стоишь здесь и ждешь. Не бегай вокруг, я сейчас войду."

Разве он не сердится?

Нин Цин подняла глаза и хотела спросить его, но тут подошли Чжу Жуй и доктор Ло. После того как доктор Ло почтительно поклонился Лу Шаомину, он достал из кармана своего белого халата связку ключей.

Нин Цин быстро схватил Лу Шаомина за рукав. - Шаоминг, мама рассердится, если ты войдешь вот так."

Лу Шаомин искоса взглянул на нее, и его яркие глаза вспыхнули резким и решительным светом. - Нин Цин, ты хочешь, чтобы твоя мать рассердилась ненадолго или надолго?"

Нин Цин надула розовые губки и замолчала. Она отпустила его руку.

Дверь палаты с треском распахнулась. Нин Цин наблюдала, как Лу Шаомин вошел в комнату на своих длинных ногах. Она схватила его за край одежды и покраснела.

"Что случилось?- У Лу Шаомина сложилось впечатление, что Нин Цин была либеральной и достойной девушкой. Он впервые видел, как она молча краснеет, смущаясь и чувствуя себя неловко.

- Шао... мин, Ты же первый раз видишься с мамой, говори красиво. Постарайтесь оставить хорошее впечатление на мою маму."

- А-а" - вот что она хотела ему сказать. В этом не было ничего даже отдаленно двусмысленного,

почему она так сильно покраснела, ее кожа была действительно тонкой.

Лу Шаомин протянул руку и взъерошил ей волосы, когда он тихо рассмеялся. “Не волнуйся, предоставь все мне. Никто не придет и не разлучит нас.”

Нин Цин ничего не сказала, она была слишком смущена.

...

Юэ Ваньцин склонилась над ее кроватью. Она услышала, как открылась дверь, и уже хотела крикнуть им, чтобы они выходили. Но вошел доктор Ло и почтительно пригласил войти кого-то, мужчину.

Юэ Ваньцин жила так долго, но это был ее первый раз, когда она увидела красивого мужчину с такими выдающимися чертами лица; он был похож на греческую скульптуру.

И темперамент этого человека был также очень хорош, она посещала много деловых мероприятий с Нин Чжэнго, когда она была молода, она может видеть с первого взгляда, что этот человек был очень уважаемым бизнесменом. Его ясные и глубокие глаза излучали спокойствие и уравновешенность от накопления его богатого и полноценного жизненного опыта. Многие годы, проведенные им на высоком посту, позволили ему оставаться спокойным и неподвижным даже перед лицом рушащихся гор.

Его походка, каждое движение излучали особую благородную ауру, которая была у него в крови. Должно быть, он родился в хорошей семье и получил первоклассное образование.

Юэ Ваньцин на мгновение забыла о том, чтобы отогнать их оттуда. Несмотря на то, что она была достаточно взрослой, чтобы быть старше его, аура этого человека была устрашающей.

Лу Шаомин стоял перед Юэ Ваньцином. Его чернильно-черные глаза были ясными и элегантными, когда он поклонился и поприветствовал ее: “Здравствуйте, тетя.”

Юэ Ваньцин вернулась к своему здравому смыслу. У нее не было никакого желания болтать с ним, поэтому она прямо спросила:”

- Тетушка, я друг Нин Цин.”

- Дружище? Если вы хотите быть лоббистом для Цинцин, в этом нет необходимости. Я вообще ничего не хочу слушать. Раньше Цинцин была такой хорошей девочкой, она всегда прислушивалась к словам своей матери, но теперь она солгала мне. Что же это за место такое-индустрия развлечений, разве туда приличная девушка пойдет? Что еще она делала за моей спиной?”

Юэ Ваньцин была расстроена. По ее феодальному мнению, индустрия развлечений была грязным ремеслом, и ни одна из женщин в ней не была чистой.

Ли Мэйлин был хорошим примером.

Доктор Ло принес стул, и Лу Шаомин медленно опустился на него. Его две великолепные длинные ноги скрестились вместе с достоинством. Черты его лица были резкими и красивыми, но в то же время нежными.

- Тетя, ты хочешь, чтобы Нин Цин научилась играть на пианино? Как ее мать, вы должны знать, как тяжело Нин Цин работала в течение последних трех лет, даже если Нин Цин ничего не сказала. Ее плата за обучение, расходы на проживание и ваши медицинские расходы не были заработаны девушкой, которая просто сидела в школе, играя на пианино."

" ... "- Юэ Ваньцин была ошеломлена. Лу Шаомин сразу перешел к делу и коснулся ее больного места. Да, с самого развода она чувствовала себя самой виноватой из-за того, что не могла дать своей дочери хорошую материальную основу.

Но Нин Цин сказала, что ее плата за обучение была взята на себя Нин Чжэнго. Она зарабатывала себе на жизнь тем, что учила детей играть на пианино. Ее медицинские расходы оплачивало государство.

Теперь же казалось, что все они были фальшивыми. В тот год ей было всего 18 лет. Она была так молода. Откуда она могла взять эти деньги?

- Даже если так, она не должна была зарабатывать эти неприличные деньги. Я скорее умру, чем потрачу ее деньги", - решительно сказала Юэ Ваньцин, когда слезы потекли по ее лицу.

- Тетушка, в том, чтобы делать деньги, нет никакого различия между благородством и непристойностью. Неужели все люди в индустрии развлечений грязные? Нин Цин-это твоя дочь. Разве ты ее не знаешь? Почему ты веришь тому, что говорит посторонний и сомневаешься в своей дочери? Вы даже не хотите слушать ее объяснения,и вы разочаровали и опечалили ее, сделав это."

Юэ Ваньцин прикрыла рот рукой и тихо всхлипнула. Она не могла опровергнуть его, потому что этот человек не стал сразу спорить в защиту Нин Цин.

Он говорил гладко и умело. Он просто продолжал подчеркивать их отношения между матерью и дочерью. Он говорил о тяжелой и печальной жизни, которую Нин Цин вела в течение последних трех лет, и поставил Нин Цин на слабую сторону.

Она была матерью Нинцин. Даже если бы Нин Цин сделала что-то не так, ни одна мать в мире не была бы огорчена страданиями своей дочери!

- Тетушка, вы самый близкий человек к Нин Цин. Она и без отца достаточно жалкая. Она плакала все то время, пока ты отгораживался от нее, думая, что ты больше не хочешь ее. Дайте ей шанс и выслушайте ее объяснения."

...

Нин Цин не знала, о чем говорят внутри. Она была очень обеспокоена, так как ее мать игнорировала ее, в то время как с другой стороны, это была первая встреча Лу Шаомина с ее матерью. Она боялась, что он не понравится ее матери.

В это время дверь со щелчком открылась, Лу Шаомин стоял у двери, а доктор Ло поддерживал и помогал Юэ Ваньцин встать перед ней.

- Мама! Глаза Нин Цин загорелись, и слезы, которые только что высохли у Лу Шаомина, снова упали, но на этот раз она плакала от радости.

Юэ Ваньцин смотрела на свою дочь, пока та плакала и смеялась одновременно, и ее сердце превратилось в кашу, но она ожесточила свое сердце и резко спросила: "Нин Цин, позволь мне спросить тебя, почему ты не научилась играть на пианино, а вместо этого поступила в Пекинскую киноакадемию? Разве твой отец не давал тебе денег на обучение?"

Нин Цин знает, что больше не сможет скрывать это от своей матери. Она вытерла слезы своей маленькой ручкой. "Да, я пошла искать папу, чтобы попросить у него денег в тот день, но он даже не пропустил меня через семейную дверь Нин. Я уже думал об этом. Я больше не молодая мадам из семьи Нин. Игра на пианино-это пустая трата времени и денег. Это не подходит для меня."

- Даже если так, ты не можешь войти в индустрию развлечений. Если ты не научишься играть на пианино, мы можем научиться чему-то еще. Почему ты не обсудил это со мной?"

- Мама, в то время у меня не было другого выбора. Стоимость обучения стоила десятки тысяч долларов. Мне пришлось бы спать на улице, если бы я не мог позволить себе заплатить за аренду... в тот день друг попросил меня выступить в роли трюкача для актрисы. Это была древняя костюмированная драма. Я прыгнула с очень высокого утеса, хотя и боялась высоты. Все мое тело дрожало, когда я стояла на утесе, но я все равно прыгнула с закрытыми глазами..."

Юэ Ваньцин никогда не знала, что жизнь ее дочери была такой тяжелой в течение последних трех лет. Она не могла представить себе крошечное тело своей дочери, прыгающее с такой высокой скалы. Ей казалось, что тысячи стрел пронзают ее сердце.

Она все еще была хрупкой юной дочерью семьи Нин в возрасте 18 лет. Почему обида предыдущего поколения затронула ее дочь?

Ее дочь была явно самой жалкой и невинной.

Нин Цин увидела, что ее мать отвернулась от ее слез. - Она подошла ближе, робко ухватила ее за рукав своими бледными маленькими ручками и тихо проговорила: - Мама, что бы мы ни делали, мы должны тратить деньги. Только индустрия развлечений может позволить мне зарабатывать деньги во время учебы. Когда идет дождь, у тебя всегда сильно болят плечи. Раньше здесь было массажное кресло. К сожалению, я не смог унести его с собой. Я хотел купить один для тебя. Я могу заработать деньги, просто действуя небрежно. Я могу содержать вас всех сам, не полагаясь на других."

Юэ Ваньцин была так расстроена, что ее 45-летняя личность должна была зависеть от своей 18-летней дочери, чтобы поддержать ее. Все эти годы в семье Нин она сосредоточила все свои силы на заботе о муже и ребенке, но уже успела оторваться от общества и потеряла способность самостоятельно выживать.

Это она причинила вред своей дочери.

Лу Шаоцин посмотрел на девушку. Она робко держала мать в одной руке, опустив глаза. Ее длинные ресницы, похожие на крылья бабочки, затрепетали пару раз. Целая вереница блестящих слез скатилась по ее белокурым фарфоровым щекам.

Она плакала очень грустно.

<http://tl.rulate.ru/book/36677/915133>